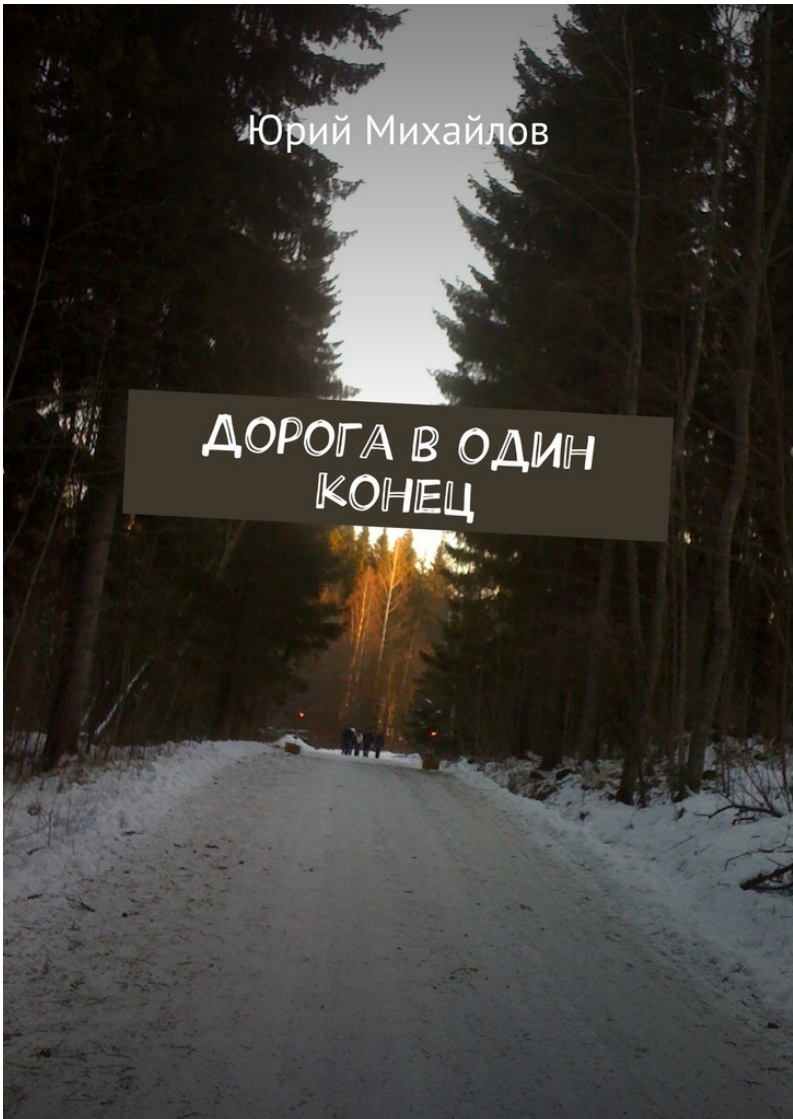

Юрий Михайлов

**ДОРОГА В ОДИН
КОНЕЦ**

Юрий Михайлов

Дорога в один конец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22059267

ISBN 9785448341274

Аннотация

Повесть «Дорога в один конец» написана в 2016 г. Автор возвращает читателя в семидесятые годы ушедшего столетия, в пионерский лагерь на берегу моря, где по соседству заключённые начинают строить крупное нефтехранилище. Кто будет думать о безопасности детей, если команда о стройке пришла с самого «верха»? Вдобавок из зоны сбегают отмороженные «расконвоированные». Пионервожатые-студенты встают на защиту детей, как могут, дают отпор зэкам. Счастливого конца у этой истории не получилось...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дорога в один конец

Юрий Михайлов

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-4127-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Невысокие, яркие от ранней зелени сопки с проплешинами от гигантских валунов и блюдечками озёр в седловинах чередующихся друг за другом хребтов отступали от станции, давая поездам беспрепятственно обогнуть большой, но узкий при входе с моря залив, упрятанный от волн и ветров и настолько глубокий, что по нему уже не раз прогоняли мощные танкеры, а на песчаной береговой линии как на дрожжах росли бочки – великаны для хранения тысяч тонн нефти. Рельсы от станции к стройке прокладываются расконвоированные заключённые и содержанты ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий), так называемые, больные. Их разместили в двух финской постройки бараках, вместительных, с конвекторами для отопления, с баней и отдельной столовой, расположенных ближе к лесному массиву. Ни забора со сторожевыми псами, ни вышек с охранниками не видно. Хотя утренние и вечерние построения проводили военные с кобурами на португее. На шлагбауме у железнодорожных путей и в воротах на стройке стояли гражданские охранники с карабинами и солдаты спецвойск с «АК» (автомат Калашникова).

По соседству с перепаханной, заваленной металлом и бетонными плитами землёй, торчащими тут и там сваями, с грохочущими паровыми молотами, вырубленным лесом,

загаженным пока ещё небольшими разливами нефти белым морским песком и тёмно-зелёными зарослями водорослей, остающимися на целых полкилометра беззащитными после морских отливов, вот здесь, на небольшом мысочке, выступающем в залив на четыре в длину и три километра – в ширину, густо покрытом сосновым лесом, с низкорослыми, немного разлапистыми деревьями, и размещался пионерский лагерь.

В мае, сразу после праздников, приехал для знакомства на месте и подготовки детского отдыха директор пионерлагеря, он же начальник административно-хозяйственной службы головного рыбокомбината Виктор Сергеевич Смирнов, недавно отпраздновавший своё пятидесятилетие и воспринявший поручение парткома и профкома по организации лета, как наказание за какие-то тяжкие грехи. В повседневной жизни он не боялся ни чёрта, ни дьявола: комбинат – трижды орденоносный, лидировавший по объёмам выпускаемой продукции в Европе, имевший свой флот, тянувший почти всю социалку областного центра – открывал начальнику хозяйства огромные возможности. Да и стороной не обходили Смирнова: на юбилей ему вручили орден Трудового Красного знамени, выше награда только у генерального директора – орден Ленина. Героев соцтруда присваивали традиционно рабочим цехов.

Небольшого роста, упитанный, но не толстый, с абсолютно смоляными, без седины и залысин, волосами, прямым но-

сом и рельефно очерченными губами он походил на римлянина из на шумевшего фильма о восстании рабов. Говорил медленно, уверенно, в его карих глазах никто и никогда не видел гнева, но и сочувствие тоже не касалось их. Замешкавшегося директора местного рыбзавода он лично вызвал по рации, размещённой в одном из корпусов пионерлагеря на втором этаже. Другой связи с миром не существовало. Красный и потный толстяк-директор прибыл через пару часов на своём катере, хотя на море ещё плавали льдины. Недостатков Смирнов обнаружил много, на третий день собрал всех занятых в подготовке летнего сезона, объявил: увольнять за пьянство и тунеядство будет беспощадно, 33 статья даёт ему такое право, предупреждений и прощений не ждите, так и сказал. Добавил, помолчав: «Детей, не дай бог, что случится, нам не простят ни родители, ни руководство...»

Оставшиеся три недели мая работали по 16 часов в день, благо, белые ночи позволяли это делать: заново покрасили столовую, клуб, перекопали песок на футбольном поле, заново расчертили площадку для построения детей, расширили, расцветили пароход, разместившийся на ней с гордым именем «Юный рыбак». Уже не говоря о том, что просушили впервые за многие годы всё постельное бельё, хранившееся на складе, морским песком отдраили кухонную утварь и посуду, стали заполнять ледник новыми продуктами, которые потоком повезли с городских складов. Клуб топили несколько дней, выгнали сырость, очистили плесень в билли-

ардной комнате на закрытой веранде, в библиотеке перебрали и протёрли книги, наконец, в трёхсотместном зале, оказалось, можно находиться без курток. Киномеханик опробовал половину заготовленных фильмов, склеил обрывы, проверил пожарную безопасность. Степан Петрович Кирьянов, завхоз пионерлагеря, разве что не плакал от счастья: никогда не видел такого хозяйственного человека на этой должности.

За четыре дня до начала смены директор объявил: едет формировать списки по отрядам для отправки детей, за него остаётся Степан Петрович. Рядом с ним будет находиться замглавного инженера местного рыбзавода, так лучше осуществлять связь с базой, сказал Смирнов. Что он имел в виду, пояснять не стал. О парадоксе ситуации, к счастью, знали немногие: по документам, Кирьянов С. П. (Степан Петрович) числился сторожем базы отдыха, состоящей на балансе у того же завода.

На маленькую железнодорожную станцию Беломорье приехали на машине пионерлагеря всем обслуживающим персоналом. Вторую трёхтонку удалось нанять прямо здесь и сравнительно недорого: за две пол-литровки водки, хотя водитель, по словам жителей посёлочка, примерный семьянин, это, мол, такая, уж, повсеместная расценка – в «пол-литровках». На его машине тёсаные лавки закреплены стальными скобами, как ни старайся, сходу не вырвать даже взрослому человеку, не то что пацанам. «Но дети есть дети, лучше подстраховаться, – не спеша, думал, сидя на покосив-

шейся станционной скамейке Степан Петрович, никем особо и не уполномоченный за перевозку малышей, но, по долгу службы, как завхозу, сторожу и пожарнику пионерлагеря, одновременно, ему и не надо было никаких особых полномочий. – Вот нашёл второй автомобиль, уже хорошо, значит, самых маленьких можно подвести эти километры по лесной дороге, а их вещи вместе с поклажей остальных, загрузить в нашу машину...» Её с вечера оборудовал тентом из парусины на случай дождя штатный водитель Владимир, рыжий, словно солнышко, только что прибывший из армии и почти не пьющий парень.

Рядом с завхозом на платформе стояло с десяток рабочих: электрик – водопроводчик, повар, киномеханик, несколько истопников. В трёх спальных корпусах детского лагеря, в столовой, десятке финских домиков для обслуживающего персонала (их завхоз называл обслугой, считая это слово совсем не обидным, а вполне точным по определению), большом щитоблочном клубе отопление ещё с времён войны, когда здесь в спешном порядке построили госпиталь для выздоравливающих воинов, печное. Лето на Севере – игривое, даже в июне дело не раз доходило до снежных зарядов.

Шофёр Вовчик, как его легко все стали называть, что-то сегодня разыгрался с сестрой-хозяйкой Софьей, направленной в детский лагерь, как и все остальные из обслуги, рыбзаводом – филиалом, притулившимся в южной губе Белого моря, с просмоленными чёрно-зелёными сваями причаль-

ной линии, старыми транспортёрами и проржавевшей железнодорожной веткой, древними постройками разделочных цехов из красного кирпича, по углам зданий скреплёнными стальными обручами на случай штормового ветра и большой волны.

Стоявшая чуть в сторонке Лилия Витольдовна, молодой врач-педиатр, реагировала на солдатские шутки Вовчика презрительной улыбкой, но она никого не знала кроме Степана Петровича и ей, волей не волей, приходилось общаться с командой, высланной на станцию для встречи специальной электрички, везущей более двух сотен детей от семи до четырнадцати лет из столицы области, где располагался головной рыбокомбинат. Медсестра с лекарствами и аптечкой первой помощи ехала вместе с детьми.

– Переходим к запасному пути, вон, там уже стоят два наших автомобиля, – постарался весело сказать завхоз. – Владимир, за второго шофёра отвечаешь головой, веди его, не пропускай вперёд, у него будет малышня... Идите оба к машинам, проверьте ещё раз замки на сиденьях, раздвиньте тент, держитесь наготове. Вам, мужики, – обратился Степан Петрович к остальным, – разбиться на пары, прирасти к выходам из электрички, принимать детей аккуратно, их вещи, с пятого по десятый отряды, складывайте вместе, потом перенесём на машину. С детьми едут вожатые – студенты, такие же дети, отправляйте их вместе со всеми на построение. Делаем переключку, малышей и вещи – по маши-

нам, остальные пешочком... Делаем два привала, примерно, по километру отрезок, места отдыха обозначены флажками, воду в канистрах брать у Вовчика, туалет – рядом, в кустах. Вопросы есть? Вопросов нет. За детей отвечаем головой, все вместе и каждый по отдельности...

Подбежала дежурная по станции, обратилась к Степану Петровичу:

– Товарищ начальник, электричка уже на соседней станции, ждём минут через тридцать...

Завхоз демонстративно пожал женщине руку, сказал негромко: «По местам». Направляясь к запасным путям, подумал: «Надо бы Лилии, как её там по батюшке, не выговоришь с разгона-то, помочь рельсы перейти... Кто ж, на каблучках-то ходит по нашим пескам?!» – и протянул врачу ладонь, повёл её, покрасневшую и смущённую вниманием, через железнодорожные рельсы. Следом потянулись низкорослый, крепкий, с квадратной челюстью боксёра, старший из истопников финн Хилтунен, грубый, пьющий, державший здесь уже года три марку «разводящего». Все знали о его агрессивности, драках, но кто-то из начальства завода каждое лето выпроваживал скандалиста на природу. На Петровича, так звал он завхоза при редких обращениях, финн не тянул, знал, что у того двое сыновей живут в городе да и сам он – мужик не хлипкий, в свои пятьдесят с гаком лет вместе с женой остаются на долгую зиму в лагере, держит два охотничьих ружья, зайца бьёт с первого выстрела и пла-

вает почти каждое утро, с мая по сентябрь, через малый пролив (километра два, туда-обратно), при температуре воды +14 градусов. Как настоящий помор и хозяин в доме, держит три десятка овец, перевозя их на вместительной лодке на дикие острова, самостоятельно выгружая на берег и перетаскивая в конце лета обратно на борт «Доры».

За истопником-бригадиром потянулись два его сменщика, дежурившие через день, тихие мужичонки, работающие в порту на разгрузке судов в путину и живущие с семьями в старых бараках у самого рыбзавода. Летом они присматривают не только за столовой пионерлагеря, но в холодные дни топят и спальные комнаты детишек. Электрик совмещает должность водопроводчика, следил за подачей воды в распределительный бак, откуда она самотёком идёт в умывальники на улице и паровой котёл в бане для помывки детей. Огромный бак стоит на треугольных десятиметровых распорках справа от въездных ворот и футбольного поля, покрытого чистейшим, крупного размера морским песком. Завхоз долго пытался сеять здесь траву, подсаживал дёрн, а толку? При очередном шторме ветер переносил песок с береговой линии на кромку леса и на поле.

Во всех начинаниях по благоустройству завхозу помогал электрик, работавший с детьми пятое лето, человек скромный, в очках из металлической оправы, постоянно спадающих на кончик длинного узкого носа и открывающих серые лучистые глаза. За весь май, когда готовились к сезону от-

крытия, он ни разу не был замечен в загулах, чего не скажешь об истопниках и шеф-поваре, бывшем коке, списанном с морских судов за пьянство. У него в столовой трудились ещё две женщины пенсионного возраста, хорошие повара, которые вполне обходились без указаний начальства.

Хилтунен подмял кока в первую неделю их знакомства и тот приносил закуски прямо в «кубрик» истопника, где пьянки длились до рассвета, когда солнце заходило за сопки всего на полтора-два часа, не погружая землю в темноту. Не раз Степан Петрович замечал там и сестру-хозяйку, и посудомоек – близняшек, только что закончивших ПТУ, толстых и неопрятных девиц, успевших, видимо, крепко погулять в этой жизни и подружиться с мужиками. Замыкал процессию на перроне киномеханик, он же завклубом, муж одной из поварих, следившей за ним не хуже сотрудников ЛТП. Тот уже успел где-то остограмниться, причём завхоз точно знал, что на время приезда детей поселковый магазин был закрыт.

По дуге тихого, с ровной береговой линией залива, будто по воде, заскользили пять вагонов зелёной электрички. Несколько гигантских нефтяных цистерн скрыли её на минуту-другую, но и они остались позади, скоро голова поезда втянулась на запасные пути станции.

Глава 2

– Знакомьтесь, Степан Петрович, – сказал Смирнов, представляя молодого человека лет двадцати пяти, не больше, выше среднего роста, с волнистыми русыми жёсткими волосами, прямым носом и серыми в зелёную крапинку глазами, – мой тёзка, Смирнов-два, зовут Константин, отслужил армию, учится на третьем курсе нашего пединститута. Назначен комсомолом старшим пионервожатым, мой заместитель по воспитательной работе, с ним шестнадцать студентов, а также – физрук, баянист-самоучка, правда, слухач и курсант мореходного училища, будет вести морское дело. Парусные шлюпки мореходка пришлёт на днях, обещали два, а, может, и три ЯЛа... Как вы, всё нормально, всё ли готово? Дети ужасно хотят есть, все домашние запасы подчистили за дорогу...

– Рад видеть такую гвардию взрослых, – сказал опешивший завхоз, – мы старались всё предусмотреть... В лучшие годы здесь на отрядах работало по одному взрослому человеку-воспитателю, как правило, тоже работники завода и учителя нашей ШРМ (школа рабочей молодёжи). Обед готов, ждёт ребятишек... Переключку будем делать?

– Как, Костя, есть целесообразность? – спросил директор.

– Мы перед высадкой всех посчитали, всё сошлось, как мне доложили вожатые. Можем двигаться, – старший вожа-

тый ни в чём не сомневался.

– Есть две машины, одна трёхтонка с лавочками, посадим туда самые младшие отряды, сколько войдёт... На второй – повезём вещи, тоже сколько влезет, начиная с самых маленьких и до старших. Не войдёт что-то, придётся самим тащить... Ну, мы, взрослые поможем. Вот такая диспозиция, – завхоз отрапортовал как истинный военный или как человек, знакомый с военной службой.

– В поезде мы разучивали песню «Шла с ученья третья рота», – сказал, улыбаясь Костя, – вот по дороге и проведём смотр строевой песни, отряд – победитель ждёт большущий торт или пирог. Как столовая, сможет нас выручить со срочной выпечкой?

– У нас два повара – мастерицы на все руки, даже не сомневаюсь, что на ужин пирог будет готов. Морошковым вареньем поделится моя жена, прошлый год наварили несколько банок, – завхозу идея молодого вожатого явно понравилась.

Пока рассаживали в машине малышня, а её набралось больше сорока человек, куда посадили и двух девушек-вожатых, пока загрузили к Вовчику почти все мешки, сумки и чемоданчики, шесть отрядов, примерно, по тридцать человек в каждом, тронулись по утрамбованной грунтовой дороге к лесу. Завхоз распределил каждого взрослого из obsługi в отряд, чтобы следили за порядком и вовремя помогали уставшим пионерам. И вместе с директором они замкнули

шествие. Степан Петрович докладывал текущую ситуацию, но о короткой «схватке» с истопником в последнюю ночь перед приездом Смирнова промолчал, решил сам поговорить вечером с трезвым финном.

А в это время пятеро вожатых, трое ребят и двое девчат, бегом выдвинулись на полкилометра вперёд, прихватив с собой баяниста, маленького, круглого, смешно таращившего глаза паренька по имени Никита, и расположились на нескольких валунах прямо перед входом дороги в сосновый бор. Жюри смотра строевой песни определили тайным голосованием ещё в электричке, благодаря этому интересному занятию ребята узнали почти всех вожатых, перезнакомились с ними и друг с другом, подали Константину около двухсот самодельных конвертиков с именами и фамилиями.

Никита всех насмешил, вдруг, запыхавшийся, потный, поскольку тащил на себе инструмент, обратился к вожатой самого младшего отряда Татьяне Сергеевой:

– Мать, выручи, напой мелодию песни «Шла с учёнья третья...»

– Никита, ты что, издеваешься, что ли?! – возмутилась девушка, – только что больше часа пели песню в вагонах электрички... А ты мелодию забыл. Ты же музыкант?

– Я вообще-то мастер отдела технологического контроля, а на баяне учился играть только в детской музыкальной школе... И я не виноват, что штатный баянист сломал руку и получил сотрясение мозга. А со Смирновым не поспоришь,

сказал мой начальник... Так что не обессудьте.

– Ты хоть гимн-то Советского Союза помнишь, композитор? – спросил не зло один из вожатых, заядлый альпинист, не расстающийся с гитарой, Эдик Стаканов, тоже, как и все здесь собравшиеся, студент третьего курса пединститута.

– Напоёте, не баре, – махнул рукой баянист и растянул меха.

Первый отряд прошёл с ленцой, подтрунивая друг над другом, всем видом давая понять, что это занятие не для них, вполне взрослых людей. Но пропели, не халтурили, остановились справа от валунов, стали наблюдать за прохождением остальных отрядов. Их вожатый, Володя Кретов, тихо сказал коллегам по жюри:

– Знаете, что они заявили мне? Всё равно отберём торт у салажат, пусть только попробуют не поделиться...

– Ну, это уже свинство, – искренне возмутилась Татьяна, – это надо заслужить, милые мои. Я вот молчу, хотя моим первоклашкам как бы тортик-то не помешал, чай, без родителей к ночи плакать горячими слезами будут...

Так же с некоторой ленцой прошли и пропели ребята из второго отряда. Но уже с третьего по шестой отряды конкуренция было жёсткая: орали, хоть уши затыкай, а то лопнут перепонки. И проходили хорошо, ровно, рядок к рядку, чеканя шаг. Когда к жюри подошёл Смирнов-старший, ему сказали, что можно объявлять победителя. Им стал четвёртый отряд, которому на вечерней линейке будет вручён слад-

кий много килограммовый пирог.

Не заметили, как пролетело время, дети отдохнули, всем хотелось броситься в лагерь, увидеть море и поесть. Уже собрались идти последний отрезок пути до пионерлагеря, как из леса вдруг вышли четверо мужчин, одетых в одинаковые грязно-чёрные фуфайки, стёганые ватные брюки, заправленные в резиновые сапоги. На головах – байковые шапки-ушанки серого цвета, за ремни на поясах заткнуты брезентовые рукавицы.

– Ой, кого мы видим... Какие детки, какие мамки, какие буфера! – начал довольно громко орать и дурачиться один из мужчин, длинный и худущий, фуфайка болталась на нём, как на вешалке, – держите, мя, братва, щас упаду от любви, не встану...

– Николай, Степан Петрович, поговорите с ними, – резко сказал Смирнов-старший, обращаясь к физруку и завхозу, – если что, мы рядом, уведём детей в лес и ждём вас.

Николай, высокий, жилистый, тридцатилетний мастер спорта СССР по современному пятиборью, без промедления направился к экам. А то, что это были они, ни у кого не оставалось сомнений. За ним пошли Степан Петрович, вдруг вмиг преобразившийся, напрягший плечи и спину, сжавший ладони в кулаки и Смирнов-младший, Константин. Рядом держались вожатые четвёртого и пятого отрядов – Стаканов и Онучкин, альпинист и лыжник, друзья не разлей вода.

– Предупреждаю, – сказал Николай, подойдя на расстоя-

ние в несколько шагов от ээков, – завалю любого, кто ещё раз откроет рот в присутствии детей и женщин! Забудьте дорогу сюда! Это – суверенная территория пионерлагеря...

– Ой, и у вас – лагерь... – продолжал разыгрывать дурочку тот же худощавый заключённый, перевернув шапку ушами к лицу и подвывая на гласных звуках, – щас мя завалят фраера...

Физрук даже не взмахнул рукой, он просто ткнул ладонью куда-то в область живота ээка и тот буквально переломился, сложился, как штангенциркуль. Бледный, с раздувающимися ноздрями, Николай медленно сказал:

– Кто ещё хочет отдохнуть? Я всё кубло ваше зарюю, шавки! А кто спросит, скажите, сюда приехал Витас с Прибалтики...

– Братан, зря ты так, сказал бы, не было бы базара... – заговорил каким-то писклявым голосом худой мужик низенького росточка, в отличие от других обутый в яловые начищенные сапоги, – мы детей не обижаем. О Витасе я скажу, кому надо. Но ты нас обидел... Если за тебя не будут тянуть мазу, мы тебя порешим... – он щёлкнул пальцами, двое ээков подняли лежавшего без движения кореша, потащили по дороге к станции. За ним последовал и вожак.

– Николай, что случилось? – спросил встревоженный разговором Константин. – Тебе угрожают, с тобой хотят расквитаться? Это серьёзно, ребята... Степан Петрович, что это такое? Мы видели из электрички стройку, значит, здесь рабо-

тают зэки? Ведь у нас двести детей, почти три десятка женщин – вожатых вместе с обслуживающим персоналом...

– Ты прав, Костя, – сказал завхоз, – здесь зэков, но расконвоированных, будто вставших на путь исправления, вместе с сидельцами ЛТП – около двух сотен человек. Это угроза пионерлагерю... Но не будем паниковать, ребята, вечером соберёмся с директором, обсудим ситуацию. Николай, ты не убил зэка?

– Не знаю, получилось жёстко, слишком он достал меня... Надеюсь, оклемается, но селезёнку я ему точно порвал, – было видно, как огорчён физрук. Он явно хотел что-то сказать, но искал подходящие слова, чтобы не испугать своих товарищей ещё больше, – я воспитывался в литовском детском доме, до армии успел побывать на зоне, до прихода в большой спорт водился с ворами... Но это всё – в прошлом. У меня семья, двое детей, выступаю за сборную профсоюзов страны, мастера спорта получил. И вот напомнили, скоты... Да, они начнут мстить. Надо сегодня после отбоя собраться мужским составом, обговорить вариант введения особого положения в пионерлагере и прилегающей территории. Будем просить директора срочно поехать в город, к руководству исправительных учреждений... Вы правдиво сказали: расконвоированных зэков не бывает, есть только зэки.

Глава 3

Педсовет состоял из двух частей, вёл его старший пионервожатый Константин. Собрались в клубной библиотеке, за десятью читательскими столами. Все так устали, что решили не затягивать совещание.

– Извините, не мог не собрать вас, ребята, – сказал Костя, – прошу быть предельно бдительными, особенно с малышными отрядами... Ситуацию пояснит замдиректора Степан Петрович. А я лишь хочу ещё раз представить вас по отрядам и девочек отпустить спать.

По распределению отрядов никто не возражал, у многих за совместную дорогу уже появились любимчики, как тут побежишь куда-то. План работы на целую смену Костя обещал вывесить завтра же и в клубе, и в столовой. Подчеркнул главные события: спартакиада по десяти видам спорта, включая шахматы, смотр художественной самодеятельности, игра «Зарница», праздник Нептуна, сказал, совместим с днём рыбака, государственным, между прочим, праздником, туристские походы – вплоть до пятого отряда, а малышей, только бы получилось, на заводском катере будем вывозить на экскурсии, покажем им гагачьи гнёзда на островах. Официально представил новых сотрудников: физрука, руководителя морского кружка и музыканта.

Степан Петрович осмотрел собравшихся, его круглое ши-

рокое лицо успело загореть на весеннем солнце, забронзовело, ресницы стали белыми, что особенно подчёркивало какую-то глубину карих глаз и рисунок морщинок в уголках, переходящих к вискам. Он строго сказал:

– Всё отладим по ходу работы, у нас есть всё, мы народ запасливый. По режиму: соседство у нас плохое, надо быть на чеку, за ворота пока выходить не будем, территорию со стороны залива за два-три дня постараемся загородить. На первые несколько ночей вводим патруль, из двух человек, эту неделю подежурят мужчины из obsługi, а там видно будет по ситуации. Главное, не ходите по одному возле границы с заливом... Но без паники, мы при стройке живём уже третий сезон, бог миловал, никаких ЧП не случилось.

Девушек-вожатых отпустили спать, подъём и утреннюю линейку перенесли на десять утра вместо восьми часов, чтобы и дети, и взрослые получше отдохнули с дороги. За читательские столы расселись мужчины. Виктор Сергеевич, директор, говорил отрывисто, жёстко:

– Моя вина, не придавал значения тому, что на стройке расконвоированные осужденные, надо бы ещё весной объехать начальство, добиться введения там на лето усиленного режима. Вы понимаете: другой базы отдыха для детей нет, здесь ребятам нравится, вот Виктор из мореходки, руководитель кружка, сам когда-то не раз ездил сюда, теперь приехал учить нас парусному делу. Выдержим первую неделю, отладим режим с повышенной бдительностью, дальше буде

легче. Завтра еду с Владимиром на машине в город, постараюсь кое с кем встретиться, вернусь часам к пяти. Николай, физрук, прошу, никаких контактов с зэками, постарайся быть всегда на людях. Степан Петрович попросил на станцию подбросить, до обеда за старшего остаётся, естественно, Константин. Замглавного инженера я вернул на завод, так будет правильнее, он обещал составить маршруты выхода катера в море и договориться, чтобы экскурсии провёл директор заповедника, между прочим, сын того самого Бианки и тоже Виталий Витальевич.

Почти половина мужчин-курильщиков, не сговариваясь, пошли к Бараньему лбу, так называлось место на берегу, где за мысочком, поросшим елями и соснами, огромный белый валун спускался к заливу, уступами уходя в море, и где вода прогревалась на несколько градусов больше, чем во всей довольно глубокой бухте с причалом и выносными туалетами. Солнце только что село за остров, разделяющий залив на две неравные части, будто провалилось в воду. И это почти в одиннадцать часов ночи... Багряные всполохи на небе отражались на мелкой водной ряби: ветерок шёл низиной, не поднимая волны.

– Мужики, курим только здесь и то, когда нет детей, – сказал Константин, прикуривая сигарету с фильтром.

– Мы не с вами, мы с попами, – съязвил Юра Великанов, вожатый второго отряда, раскуривая рабоче-крестьянскую «Приму», естественно, без фильтра, – мои архаровцы

видели лодку с тремя мужиками, в бухту к нам не рискнули зайти, возле Бараньего лба повернули к стройке... Я сказал, конечно, чтобы никаких контактов, зэки – не самые надёжные друзья. Но, слава богу, мои их боятся, дали дёру в лагерь, чтобы рассказать мне. Я выходил на мысок, но их уже не было: или мотор завели, или лесом пошли, спрятав лодку... Кость, давай я утром с парой своих ребят пройду берегом, проверю информацию да и лодку поищем.

– Нет, Юр, двоих пацанов – маловато будет, – сказал Костя, – сходите со Стакановым и Онучкиным, багры, на всякий случай, возьмите, будто берег хотите почистить от топляка...

– Дам вам, ребятки, ракетницу, тоже на всякий случай, – подытожил разговор завхоз, докуривающий свой неизменный «Север», – если что, палите, хоть в них, хоть нам сигнал подавайте...

– А что если попросить у соседей парочку солдат с автоматами, пусть поживут у нас недельку-вторую, походят по забору, у ворот пофигурируют, – сказал Никита-баянист, некурящий, но любящий мужские посиделки.

– Ну да, может, ещё и пару немецких овчарок попросить? – опять съязвил Юрий, – человек с ружьём тоже не безопасен, надо только на себя надеяться, если директору не удастся завтра сменить режим расконвоирования.

Утренняя линейка и завтрак прошли в рабочем порядке, правда, посмеялись: вторая вожатая младшего отряда, Наташа Чегина, неплохо играющая на пианино, подсказала баянисту, с каких нот начинается гимн страны. Его исполнили, когда на мачте корабля вожатый дежурного отряда поднимал флаг (не знамя пионерской дружины, которое стояло в клубной библиотеке, а морской флаг, который пионерлагерю подарили курсанты училища). Константин не стал забираться на корабль, рапорты выслушал, стоя на земле. Сказал, что сегодня первый день отдыха и что просит посмотреть в столовой и клубе вывешенные на стенках планы весёлой пионерской жизни. Вскользь, но громко, чтобы услышали все, даже первоклашки, объявил о режиме секретности, вводимом на территории пионерлагеря: началась подготовка к «Зарнице», полным ходом идёт «минирование» подступов к лесу и заливу. Придётся недельку потерпеть, не выходить к открытому морю, а делается это ночами, пока все спят и для того, чтобы в отрядах не знали, где будут проходы через «минные поля». Вожатые и первый отряд оценили экспромт Кости, поулыбались, но разоблачать информатора не стали.

Ели хорошо, дружно налегали на гречневую кашу с топлёным маслом и котлетами, на середине каждого стола стояло блюдо со свежими огурцами, завод прислал из своих теплиц: для детей ничего не жалко. Кофе из цикория разлива-

ли по стаканам из графинов, повар тётя Вера ходила по столам и говорила: «Пейте до отвала, кофЭ на молоке, вкус-ная, всем хватит!» И то правда, кофе шло на ура, некоторые допивали по второму-третьему стакану.

Отряды Стаканова и Онучкина получили от своих вожатых задания по установке туристской палатки и сборке рюкзака. Девушки помогали ребятам, разбившимся на пары, ибо палаток, на самом деле, было всего две штуки, зато рюкзаков – целый десяток. А студенты, под руководством Юрия, вожатого второго отряда, как и договаривались с ночи, взяли багры на пожарных щитах и вместе с Виктором, курсантом, бездельничающим без шлюпок – ЯЛов, пошли к заливу.

Солнце стояло в зените, пригревало сильно, хотя на берегу всё же чувствовался холодный ветерок. Штормовки пригодились, не затрудняли движение, ребята быстро оказались у водной глади. Трава, валуны, покрытые густым мхом, кустов на Севере у моря почти не бывает. И песка не видно, вода на расстоянии двух-трёх метров от берега буквально густеет, её чернота говорит о большущей глубине. Пройдя с километр, они поняли, что лодку здесь никто не прятал, разве что затащили в лес, это можно сделать, мох позволит, но мужчин должно быть, минимум, трое, один тянет с носа, за канат, двое – толкают с боков.

Не сговариваясь, с полуслова понимая друг друга, свернули в лес, начинающийся буквально в двадцати метрах от береговой линии. Если идти строго перпендикулярно от воды,

километра через два выйдешь на дорогу, ведущую от станции к пионерлагерю. Ещё через два, примерно, километра – берег глухой бухты, с песчаными откосами, целыми дюнами из песка, с лиственными деревьями и тучами мошкары. На противоположном берегу стоят старинные облезлые причалы, здесь когда-то располагалась одна из многочисленных баз рыболовецкой бригады – фактория Белой губы. К ним подходили суда, забирали рыбу, везли на заводы для переработки. Все эти подробности рассказал Виктор, который несколько лет ездил отдыхать в пионерлагерь «Юный рыбак», в совершенно глухое и безопасное место, о котором знали только местные жители.

– Не знаю, остались ли здесь зайцы, но мы пацанами гоняли их прямо по дороге и на лугах перед самой станцией, – закончил рассказ курсант, снял ветровку, остался в тельняшке, обвязал куртку вокруг пояса. – Щас будет несколько озёр, небольших, похожих на блюдечки... Вода в них теплее, чем в море, на несколько градусов, но сколько мы не старались, не могли достать дна в середине озерцов, видимо, провалы в скальном грунте, соединены они прямо с заливом, потому как вода солоноватая. Ловили окуней, вы не представляете, как лапти, тёмные, а плавники красно-бордовые, аж...

На горушке, впереди, увидели мужчину, остолбенели, настолько неожиданно он появился здесь, буквально в двадцати шагах от парней. Стоял у сосны, в руках сапёрная лопата, что-то бормотал, разобрать невозможно, влево и вправо

от него летели куски мха, срубаемые металлом.

– Эй, мужик, привет, – сказал Онучкин, довольно бесцеремонный в жизни человек, – ты чего землю-то хреначишь, клад что ли ищешь?

Мужчина, повернув голову, смотрел в их сторону, туловище его оставалось видимым только со спины. Вроде бы фуфайка на нём одета, сапоги кирзовые, из них торчат голые ноги, тонкие, бледные. Похоже, он или в трусах, или так высоко закатал брюки, что ляжки видны. Остановился в недоумении, не понимая, как ребята оказались рядом с ним. Затараторил:

– Иди, иди сюда! Они здесь, я их видел, зелёные, с рогами, я их достану...

Парни поняли: перед ними типаж из ЛТП, белая горячка в последней стадии, чертей роет в земле, не может достать. Юрий резюмировал:

– Ёкарный бабай, нам только этого не хватало! То воры в законе, то шавки угрожают, то пловцы на лодке... Что делать-то будем?

– А ничего, – сказал Онучкин, – пусть копает, пока не хватятся его... Пройдём до озера и повернём к лагерю! И предлагаю панику не сеять, никому о встрече с алконавтом не говорить...

– Нет, Саш, ты не прав, – возразил Эдик Стаканов, – вдруг его развернёт на наше жилище, припрётся к Бараньему лбу и начнёт там раскопки? Дети умрут от страха...

– Давай приведу в чувство, погоню его же сапёрной лопатой по голому тощему заду!

Только Александр успел сказать эти слова, как мужик замахал лопаткой, словно коротким мечом и, развернувшись, бросился на ребят. То ли от неожиданности, то ли инстинкт самосохранения сработал, но все четверо разбежались в разные стороны.

– Что я тебе говорил, благодетель и заступник хренов! – заорал Сашка, отбежав от алкаша дальше всех, – давай вязать его, а потом на дорогу выносить надо. Чёрт, это какой же крюк-то делать придётся?!

Парни одновременно услышали звук приближающегося мотора, из-за поворота, разрезая воду, выскочила небольшая лодка. На ней – двое мужчин, сразу начали искать место для того, чтобы причалить к берегу. Мужик спрятал лопатку за пазуху, как ни в чём не бывало зашагал в лес.

– Держите его, ребята! Вторые сутки ловим, бегаёт, пугает народ! – заорали из лодки, – это наш, точно наш клиент!

Догнали, повалили на землю, приказали лежать и не дёргаться. Мужик скулил, размазывал слёзы и сопли, пугал всех чертями и могилой. Помогли санитарам, а это были они, из ЛТП, дотащить больного до лодки. Юрий спросил:

– Часто бегают? Вы хоть знаете, что здесь, в километре, пионерский лагерь разместился? Алкаш не только перепугает, поубивает всех обитателей? Тут же дети!

– А мы и не знали... Я вообще только с весны рабо-

таю фельдшером, никогда о пионерлагере слышать не слышал... А вам, ребята, забор надо ставить.

– Ну да, с вышками и колючую проволоку под напряжением натянуть, – бросил Юрий, – часто бегают, спросили вас?

– За весну – этот первый, родители приехали, вывезли его в посёлок, хотели откормить... А свинья грязи найдёт. Сделаем выводы. И о детях, спасибо, что сказали. А забор всё равно придётся вам ставить. Наши клиенты – ещё под присмотром. Вы бы на эков посмотрели, что там творится... Эхе-хе, не приведи господь, увидеть: в карты друг друга проигрывают, потом трупы из залива вылавливаем...

Лодка новая, мотор завёлся сразу, ЛТПэшник лежал связанный верёвкой на дне посуды, в длинных трусах из чёрного сатина и фуфайке, молчал, похоже, понимал, в какую историю вляпался и что теперь с ним будет. Пристроив багры на плечи, парни потопали напрямик, через лес, в пионерлагерь.

Глава 4

От домика с двумя комнатами и небольшой кухней, с масляным радиатором для обогрева на случай холодов, директор шёл к корпусам, тяжело переставляя ноги, увязая в сыпучем песке. Возле пищеблока и малышowego корпуса, специально расположенного рядом со столовой, по территории нагло прогуливались жирные белые чайки, две из них устроили драку, орали на всю округу. Виктор Сергеевич не выдержал, хлопнул ладонью по массивной чёрной папке, которую держал в руках, разогнал дерущихся: больше всего ему не хотелось, чтобы беспокоили сон детей, такой длинный и сладкий по утрам.

Он вообще думал предложить вставать с 6 по 8 отрядам не в восемь утра, как было заведено, а в девять или даже в десять часов: не больно им и нужна пионерская линейка, а завтрак малышне свой надо готовить с молоком и творогом, булочками да сливочным маслом. Потом – кино, а когда завтрак уляжется в желудке и захочется побегать-порезвиться, пару часов футбола или самых подвижных игр на воздухе. Перед обедом на полянке почитают книжки, вожатые умеют это делать, обучались в институте. И обязательно – час-полтора – дневной сон, с открытыми окнами, свежим бризом с моря. Поэтому и корпус для малышей, как по заказу, стоял первым, открытым ветрам с залива.

У ворот, закупоренных массивным засовом, глухо тарахтела машина, за радиатором курили Степан Петрович и Владимир, вились сизые дымки, доносились голоса, слабые, не слышимые в утреннем разряжённом воздухе.

– Попили чайку? – спросил завхоз, – зря не зашли в столовую, Вера приготовила завтрак, мы поели...

– Я не привык так рано есть, приходил на работу, секретарша чай подавала с бутербродом или кофе, по настроению, – ответил директор, – ну что, в путь? А срочные дела на станции, Степан Петрович, это что?

– Заскочите на завод, – обратился к Вовчику завхоз, – там столовая работает круглосуточно... – и продолжил, – есть у меня одна идея, старого товарища хочу навестить, лет 20 назад он здесь заправлял ситуацией, многих знает, его уважают... Потом расскажу подробнее, вечером, когда вернётесь из города. Володя, не забудь про базу: молоко пусть только в бидонах дают, у нас не завод – дети, всё-таки. И картошку – в ящиках, чтоб дышала, в мешках – не бери, лучше день подождём тогда...

Сели в кабину, предварительно открыв ворота. Электрик, подошедший от водонапорного бака, помахал рукой, закрыл засов и повесил амбарный замок. Видимо, он уже дежурил с ночи. Три километра проскочили на удивление быстро, говорить не хотелось, честно сказать, директор спал. У шлагбаума через пути медленно открыл дверцу кабины, вышел, выпустил завхоза, пожелал удачи и молча полез назад. Стан-

ция спала, на запасных путях пыхтел лишь один тепловоз, но делал это аккуратно, чтоб не разбудить спящих жителей посёлочка.

Степан Петрович, поправив одежду, зашагал к вокзалу, зная, что начальника станции ещё нет на месте – рановато будет. Дежурная по перрону – Рая, красивая, одетая в специальную форму женщина средних лет, ничуть не удивившись раннему приезду завхоза пионерлагеря, сказала, что Михалыч, наверное, уже встал и поливает теплицы. Его дом находился в ста метрах от путей, и завхоз пошёл по узкой улочке, покрытой сухим мелким песком.

– Привет, Михалыч, – поприветствовал Степан Петрович старого товарища, увидев его через невысокий палисадник, – прости, что так рано, оторвись от дел, погутарить надо...

– Я знал, что ты придёшь, Кирьяныч, – такая с детства кличка прилипла к Степану, от фамилии Кирьянов, – про Бугра хочешь спросить? Давно минули те времена, ты вот теперь замдиректора, сотни детей на твоём попечении... И это правильно, жизнь не бывает только плохой или только хорошей... На всех на нас обрушился этот чёртов терминал, жили столетие на дороге тихо-спокойно, на тебе, нефть будете хранить да столько, что страшно становится... А Бугор перебрался на базу отдыха комбината, живёт сейчас у озера, в километре отсюда. Недалеко, за полчаса дойдёшь. Но я тебе не говорил, хотя он сразу поймёт, кто его сдал, – на-

чальник станции улыбался, было видно, его забавляет ситуация, – добропорядочный он теперь, впрочем, как и все мы, старые да больные...

Ровно в километре от рельсовой магистрали, по которой в начале тридцатых годов плёлся в товарняке Стёпка со своими родителями, пятью братьями и сёстрами, дедом и бабушкой, проживает теперь на базе отдыха со всеми удобствами Василий Иванович, по болезни отошедший от дел «авторитет» по кличке Бугор, которую получил ещё на зоне, где пересеклись их со Степаном судьбы.

...Степан любил северный посёлочек, где кроме четырёх бригад лесорубов и рабочих пилорамы жили ещё отдельной коммуной геологи, искавшие в молодых Хибинских горах камень плодородия – апатит. Своей школы, кроме начальной, не было, двум братьям Кирьяновым, приходилось каждую осень уезжать в районный детский дом и возвращаться в семью только на зимние и летние каникулы. Иногда к ним на учёбу попадали дети саамов, которые рассказывали, как пасутся в тундре олени, как аборигенам тяжело даётся русский язык и как их пастбища полностью забирают северные промпзоны, где собираются строить комбинаты по добыче никеля, меди, редких секретных металлов. Вот-вот объявят о строительстве гигантского апатитового ком-

бината: на стройку уже собирались ехать тысячи комсомольцев – добровольцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.